

23. Кожинов В. «Монгольская эпоха» в истории Руси и истинный смысл и значение Куликовской битвы // Наш современник. 1997. № 3. С. 194, 183.
24. Гордеев А. А. История казаков. М., 1992. С. 39.
25. Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. С. 26. См.: Родина. 1997. № 3–4. С. 86–89.
27. См.: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985
28. Егоров В. Л. Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990. С. 23, 15.
29. См.: Юшко А. А. Московская земля IX–XIV вв. М., 1991; Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты. М., 1993; Борисов Н. С. Политика московских князей: конец XIII–первая половина XIV вв. М., 1999; и др.
30. См.: Володихин Д. М., Лаушкин А. В. К выходу в свет книги Н. С. Борисова «Политика московских князей: конец XIII–первая половина XIV вв.» // Русское средневековье. 1999 г. Духовный мир. 1999. С. 3–4.
31. Панеях В. М. Панорама истории России XV–XVI вв. А. А. Зимина: К выходу в свет его книги «Витязь на распутье» // Отеч. история. 1992. № 6. С. 79–80.
32. Горский А. А. К вопросу о причинах «возвышения» Москвы // Отечественная история. 1997. № 1. С. 4, 9.
33. Борисов Н. С. Политика московских князей: конец XIII–первая половина XIV века. М., 1999.
34. Там же. С. 13
35. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 233–264.
36. Кривошеев Ю. В. О средневековой русской государственности (к постановке проблемы). СПб., 1995. С. 42–47., Он же. Становление Великорусской государственности // История России: народ и власть. СПб. 1997. С. 177–180., Он же. Русь и монголы. СПб. 1999.
37. Кривошеев Ю. В. О средневековой российской государственности. С. 27–39., Он же. Становление Великорусской государственности. С. 173–176.
38. Суэтин А. В. Междукняжеская борьба в Северо-Восточной Руси (середины XIII–первая четверть XIV веков). Автореф... канд. ист. наук. Тюмень 1999. Борисов Н. С. Политика московских князей. Конец XII–первая половина XIV века. М., 1999.
39. Кучкин В. А. Первый Московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 98–101
40. Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // Отеч. история. 1996. № 3. С. 86
41. Бушков А., Буровский А. Россия, которой не было–2: Русская Атлантида. М., 2000. С. 8.
42. Борисов Н. С. Политика московских князей. Конец XII–первая половина XIV века. М., 1999. С. 13.

Зинаида Николаевна СОКОВА –
 профессор кафедры новой истории
 и международных отношений
 факультета истории и политических наук,
 доктор исторических наук

Власть и ислам в 1920-е годы (региональный аспект)*

УДК 957.12

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы взаимоотношений власти и ислама в Тюменском регионе в 1920-е годы.

The article is dedicated to the problems of the relations of administration and Islam congregation in Tyumen region in 1920-s.

Отличительной приметой общественно-политической жизни современной России является восстановление многих институтов и традиций, которые в годы советской власти казались навсегда вытесненными за рамки активного социального бытия. Одно из таких возродившихся явлений — так называемый исламский фактор, который в обыденном сознании нередко ассоциируется с чем-то чуждым и даже враждебным российской культуре. Неслучайно для рядовых граждан-немусульман он означает и войну в Чечне, и конфликт между Северной Осетией и Ингушетией, и гражданскую войну в Таджикистане, и сотни тысяч нелегальных переселенцев из мусульманских регионов в коренные русские города. Истина, однако, заключается в том, что ислам является неотъемлемой частью российской истории и культуры. Это важный фактор, определяющий взаимоотношений русского народа и мусульманского мира, а, следовательно, и будущее страны, которое зависит и от этноконфессиональной ситуации, главным образом от взаимоотношений традиционно православной и традиционно мусульманской частей населения, составляющих большинство жителей России.

До конца 1980-х гг. в отечественной науке Западная Сибирь выпадала из списка регионов, народы которых ассоциировались с понятием мусульманской традиции. Проблемы, связанные с религией и культурой ислама, изучались в основном на примере народов Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья. Наоборот, исследования, посвященные Западной Сибири, практически не затрагивали проблематики межконфессиональных отношений. Тюменский регион в этом отношении не представлял исключения. Краеведы воспринимали свою малую родину как моноконфессиональную территорию, а иноверцев — как «нацменов», но не носителей иной социокультурной системы. Между тем присутствие «магометанской» компоненты среди населения края и в дореволюционное, и в советское время было ощутимо. Так, по данным переписи 1920 г., мусульмане составляли примерно 70 тыс. чел. или 6,7% населения Тюменской губернии [1]. Они были представлены, главным образом, татарами — 62 тыс. чел. и башкирами — 6,5 тыс. человек. [2].

Российские востоковеды в своем большинстве признают значительный ущерб, который нанесли большевики традиционным устоям жизни народов, исповедовавших ислам. Однако, соглашаясь с этим выводом, нельзя не обратить внимание на такую примечательную деталь: религиозная политика советской власти по отношению к мусульманским этносам носила дифференцированный характер. Гонения верующих в Средней Азии, Закавказье и на Северном Кавказе были более сдержанными по сравнению с религиозными преследованиями собственно «российских» мусульман. Что касается татар и башкир, то они даже не воспринимались властями как представители дар аль-ислам («мира ислама»). Поэтому во главу угла политики, направленной на включение «отсталых» народов в государственный контекст советского времени, официальные структуры обычно ставили не религиозный, а национальный вопрос.

Проблема взаимоотношений государства и верующих в первые годы советской власти сложна и противоречива. С одной стороны, в условиях гражданской войны и внешней опасности большевики, стремясь ослабить оппозицию, были заинтересованы в сотрудничестве с мусульманской религиозной элитой. Они также не могли не учитывать преимущественно добрососедский характер отношений, сложившихся между русскими и мусульманами в районах их совместного проживания. Поэтому поначалу властные структуры, как центральные, так и местные, не акцентировали внимание на религиозно-бытовой стороне жизни мусульманского населения при условии его лояльности к своим начинаниям. Показательно, что в одном из первых документов советской власти — обращении СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917 г.) — верования, национальные и

культурные учреждения приверженцев ислама объявлялись «свободными» и даже «неприкосновенными» [3].

Однако подобные декларации, разумеется, не означали отказа большевиков от доктрины «воинствующего атеизма», предполагавшего внедрение в массовое сознание специфической идеологии и экспроприацию имущества и ценностей религиозных общин. И хотя эта собственность составляла ничтожно малую долю национального богатства, она, в отличие от собственности бывших капиталистов, оказалась куда более защищенной, вынуждая власть маневрировать и идти на временные тактические уступки. Лишь с разгромом белого движения государственная политика начинает разворачиваться в сторону постепенного «выкорчевывания религиозных предрассудков» из сознания «отсталых» национальных меньшинств. В конечном итоге главной задачей ставилось утверждение среди «нацменов»-мусульман идеологии большевизма. С одной стороны, это вело к ужесточению политического режима, с другой — наполняло его взаимоотношения с исламом нарастающей конфликтностью.

Для практического осуществления национально-религиозной политики среди народов, исповедовавших ислам, при народном комиссариате по делам национальностей был создан мусульманский комиссариат, а также соответствующие структуры на местах. В Тюменском регионе таким органом являлся учрежденный в апреле 1918 г. комиссариат по делам мусульман (с 1920 г. — отдел национальных меньшинств), подчинявшийся исполкому губернского Совета [4]. В период «демократической контрреволюции» и колчаковщины он был распущен и возобновил свою работу после восстановления советской власти. Тогда же для «ведения партийной работы на родном языке каждой национальности» аналогичные подразделения организуются при Тюменском губкоме и уездных комитетах РКП(б) и РКСМ. С их созданием было распущено Тобольское мусульманское национальное управление, объединявшее местных религиозных деятелей, не связанных с новой властью [5]. В то же время другая часть священнослужителей-мусульман, демонстрировавших политический нейтралитет, не подвергалась гонениям. Отношение к ним советской власти можно охарактеризовать как переменчиво-спокойное.

Ситуация резко изменилась в начале 1920-х гг., когда в условиях тяжелейшего голода советско-мусульманские отношения переходят в политическую плоскость, тесно увязываясь с идеологией классовой борьбы. В Тюменском регионе это отчетливо проявилось во время кампании по «искоренению» религии (1921–1922 гг.), в ходе которой закрывались мечети, медресе, мусульманские библиотеки. «Ликвидационные комиссии» брали на учет все материальные ценности религиозных общин, объявляя их «народным достоянием». Последствия этой акции оказались противоречивыми. С одной стороны, «красногвардейская атака» на ислам вызвала волну протестов в кругах ортодоксально настроенных верующих и всплеск недоверия к советской власти, с другой — ускорила процесс расслоения в мусульманской среде, сопровождавшийся усилением примиренческого крыла, пытавшегося приспособиться к существующему строю. Учитывая склонность к компромиссу части мусульман, региональные власти внесли определенные коррективы в национально-религиозную политику, и, пытаясь изолировать ортодоксов, сделали шаг навстречу примиренческим тенденциям.

В начале 1923 г. мечети и их имущество были возвращены верующим в «бесплатное и бессрочное пользование». Однако если раньше культовые здания являлись собственностью религиозных общин, то теперь между ними и органами власти заключались договоры аренды, в которых предписывалось «беречь народное достояние» и «не допускать проведения в мечетях политических собраний, произнесения проповедей и речей, раздачи книг, брошюр и листовок, направленных

против советской власти» [6]. В случае нарушения этих условий государственные структуры получали право расторгнуть договор в одностороннем порядке и закрыть мечеть.

Договор об аренде молитвенного здания обеспечивал мусульманской общине статус официально зарегистрированной. Она должна была принять устав и ежегодно представлять списки священнослужителей и прихожан, которые позволяли органам власти наладить учет верующих и контроль за ними. Религиозные общины не имели права взимания членских взносов, поэтому культовые помещения и имущество содержались за счет добровольных пожертвований.

Религиозная «реформа» 1923 г. сопровождалась комплексом мер, направленных на дискредитацию ислама. С этой целью при тюменском филиале Союза воинствующих безбожников создается татарская секция «Дагриляр». К 1929 г. в него входило 200 человек, объединенных в 18 ячеек [7]. Основное внимание «Дагриляр» уделял работе среди городского населения, в особенности молодых рабочих и служащих, которые в отличие от мусульман сельской местности находились в инонациональном окружении и в той или иной мере зависели от администрации «своих» предприятий и учреждений. Пользуясь поддержкой официальных структур, «Дагриляр», однако, вскоре сам оказался под их контролем и превратился в своеобразный «филиал» партийных или советских организаций. Их представители входили в окружные советы общества, определяли направления и планы его работы. По предложению парторганов в практику «Дагриляра» стали внедряться «протоколы мероприятий по атеистическому воспитанию», в которых фиксировались сведения об участниках той или иной акции, выступления в защиту религии. Выявив таким способом активных верующих, «Дагриляр» приступал к их индивидуальной обработке, а в случае неудачи навешивал ярлык «неблагонадежных».

Среди «форм» работы общества — диспуты со сторонниками ислама, антирелигиозные спектакли, издание печатной продукции с сюжетами издевательско-примитивной насмешки над служителями культа. Особую активность ячейки «Дагриляр» проявляли в период Рамазана, завершающегося праздником Курбан-Байрам. Чтобы отвлечь мусульман от исполнения традиционных обрядов, они устраивали месячники «комсомольского Байрама», митинги, спортивные соревнования, конкурсы. Обязательным элементом всех мероприятий были «антирелигиозные вечера», на которых зачитывались доклады о происхождении Земли и человека, возникновении ислама, пагубности религии, вреде поста и т. п. Далеко не всегда эти мероприятия достигали поставленных целей. Более того, после некоторых из них между атеистами и верующими возникали острые конфликты, рвались дружеские или соседские связи. Об эффективности используемых обществом форм работы можно судить по тому, что в 1925 г. оно рекомендовало своим ячейкам отказаться от проведения антирелигиозных диспутов, в которых, как показала практика, перевес почти всегда оказывался на стороне верующих.

Одна из причин невысокой результативности антирелигиозной пропаганды заключалась в том, что в 1920-е гг. мусульманское духовенство по-прежнему оставалось реальной политической силой, которая тысячами нитей была связана со своими прихожанами: пыталось защищать их интересы перед администрацией, поддерживало в трудную минуту, оказывало немалое влияние на семейно-брачные отношения. Особой поддержкой, порой фанатичной, служители культа пользовались среди женщин. Как следствие, в спорных ситуациях мнение мулл для многих мусульман оставалось решающим и к нему прислушивались даже на выборах депутатов в местные Советы [8].

К концу 1920-х гг. стало очевидно, что попытка властей изолировать духовенство с помощью антирелигиозной пропаганды потерпела неудачу. Большие массы

людей по-прежнему оставались вне сферы влияния официальной идеологии. В условиях форсированной индустриализации и массовой коллективизации, когда мобилизация общественного сознания рассматривалась как решающее условие «прыжка в социализм», такое положение представлялось нетерпимым и подтолкнуло власти к новой волне репрессий против исламских активистов. Неслучайно в это время наметилась тенденция к отказу мулл выполнять свои обязанности, которую вряд ли можно объяснить только крахом религиозных иллюзий. Основная причина «отказничества» — это давление на священнослужителей партийно-государственных структур, требовавших от духовных лиц разрыва с исламом и заявления об этом в печати [9].

Чтобы ослабить авторитет духовенства и противопоставить ему лояльную мусульманскую интеллигенцию, в 1927 г. региональные власти принимают решение о восстановлении мусульманских учебных заведений — мектебе, учащиеся которых должны были воспитываться в духе преданности советской власти [10]. Одновременно начинается перевод письменности мусульманских народов с арабской графики на латинскую, сопровождавшийся уничтожением традиционной религиозной литературы [11].

Определенным водоразделом в государственной религиозной политике стал закон о религиозных объединениях 1929 г., законодательно оформивший применение административных методов борьбы с религией. Вслед за этим под предлогом использования молитвенных зданий не по назначению или отсутствия официально зарегистрированной религиозной общины начинается массовое закрытие мечетей. Хотя решение властей в течение 15 дней можно было опротестовать во ВЦИК, жалобы на их действия практически не поступали. Более того, силовое воздействие носило столь мощный характер, что мусульманское население порой само выступало с ходатайством о закрытии мечети и передаче здания на культурные нужды.

Таким образом, религиозная политика властей в 1920-е гг. полностью вписывалась в планы создания атеистического государства. Мусульмане были поставлены в новые условия и оказались перед необходимостью приспособления к существующему строю. Однако несмотря на попытки центральной и местных властей ассимилировать мусульман, ислам остался фундаментальной частью их сознания и образа жизни. Это обстоятельство послужило основой исламского возрождения в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф. 4. Оп. 4. Д. 644. Л. 38.
2. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 17–18.
3. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 114.
4. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО). Ф. 284. Оп. 1. Д. 2. Л. 71; Государственный архив общественных и политических объединений Тюменской области (ГАОПОТО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 123. Л. 25.
5. ТФ ГАТО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 2. Л. 71.
6. ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 306. Л. 203; ТФ ГАТО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 23. Л. 8-9.
7. ГАОПОТО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 919. Л. 31; ТФ ГАТО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 80. Л. 246.
8. ГАОПОТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 901. Л. 79.
9. Гарифуллин И. Б. Из истории работы среди татарского населения Тюменской области. (В документах. Часть 1. 1917–1965 гг.). Тюмень, 1998. С. 115; Красное знамя. 1929. 4 января.
10. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 88. Оп. 5. Д. 49. Л. 99.
11. Из истории культурного строительства в Тюменской области. Свердловск, 1980. С. 117–118; ГАОПОТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1098. Л. 110.